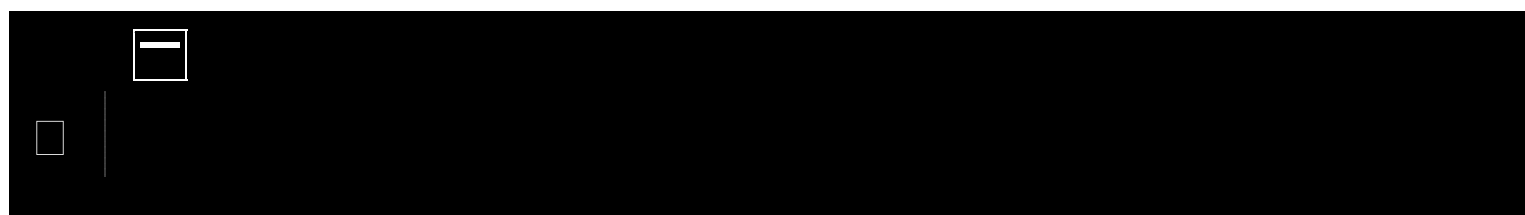

КМВ ЭКСПРЕСС

[Кисловодский Экспресс](#) > [Новости](#) > [Кисловодск](#) > [Вспоминая Высоцкого](#)

Вспоминая Высоцкого

Опубликовано 03.04.2019 от **Кисловодск** 👁 217 🗨 0

Русское Телевидение в США

Каналы

СОЛНЦЕ ПАМЯТИ О НЕМ БЛЕСТИТ СКВОЗЬ ТОЛЩУ ДНЕЙ

Для конкурса «Кисловодск в семейном альбоме»

Мне очень хочется рассказать об одном дне из моей жизни. Как он запомнился, если извлечь его сейчас откуда-то из сладких и темных недр памяти, где лежат неприкосновенно у каждого запасы счастья. Никому и нигде это не рассказывалось и не облекалось в слова.

Был хороший, теплый, но уже по-осеннему тревожно-солнечный день. Осень 1978 года, 27 сентября. Около часа дня мы с Лилей шли в предварительные кассы за билетами на поезд. Выйдя из касс, мы пошли вверх к вокзалу. Слева — стенды филармонии. Скользя по ним взглядом, обжигаюсь на третьем: «Поет Владимир Высоцкий». Сначала не понимаю ничего, потом еще больше ошалеваю,

досмотрев, что это же СЕГОДНЯ, в 15 00!!!

Через два часа! У нас! Поет Высоцкий!

Мое состояние и поведение далеки от мудрости, меня одолевают спешка, суета и тревога: да билетов, конечно же, не достать, какое там! А цена? Денег у нас не хватит Нет, так не бывает, чтобы мы попали, мне ведь никогда не везет... Все это проносилось в голове, пока бежали в филармонию.

Буднично, тихо и пусто у касс Да, билеты есть. Где будет? В музыкальной раковине. Цену не вспомнить. Может быть, по 2 руб.?

Все было, есть, сбылось! Билетов купили четыре — еще Жоре и Мише. И опять бежать, опять проблемы: их же еще разыскать! Звоним в фотоцех. Все четверо работали в фотографии — я экономистом, Лиля в павильоне, Миша экскурсионным фотографом, а Жора на бассейне. Выложила все, захлебываясь. Мы, ожидая, покрутились в центре. Раздумывали, кому еще позвонить, но больше осчастливить было некого. Помню прибежавшего Жору, мы вместе пошли посмотреть на афишу — одну-единственную на третьем снизу щите, на небольшом листе бумаги черной краской от руки три слова: «ПОЕТ ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ».

Здесь же купили цветы — три розы на недлинных стеблях. (Господи, букет Высоцкому!) А других цветов подарено и не было. Потом Жора пробовал фотоаппарат снимая клумбы между филармонией и кафе. Погода портилась, стало пасмурно, похолодало. Народу уже волновалось вокруг много. А первоначальное безлюдье, оказывается, объяснялось тем, что афишу еще не видели. КОНЦЕРТ БЫЛ ОБЪЯВЛЕН БУКВАЛЬНО ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ. Случайный, неожиданный.

О том, что концерты были в Пятигорске мы тогда не знали. Короче, народу набралось полная раковина. Говорят, и вокруг народ был, и на деревьях. Мы зашли попозже, поджидали Мишу с проулки, а он задерживался, в спешке потерял портфель с паспортом, фотоаппаратом и прочим. Пришел, конечно, расстроенный. (Паспорт потом вернули, однако.) И очутились мы в задних рядах с правой стороны раковины. Не знаю, как сейчас, а тогда там стояли деревянные скамейки.

Начала концерта не помню. Кто-то под рояль пел куплеты, читали стихи. Совершенно неинтересно и ненужно — казалось мне тогда. Сейчас я бы с удовольствием вспомнила, кто приезжал с Высоцким, что они делали. Но тогда — дальше, дальше, скорее бы!

И вот он быстро прошел по сцене к микрофону — маленький, стройный, гитара на перевязи. Начал с «Братских могил». Потом рассказывал о себе, о Таганке, о спектакле «10 дней, которые потрясли мир», о Любимове. И пел, пел, пел

Как странно и удивительно было слышать хорошо знакомые, любимые, много раз слышанные песни, еще и видя ЕГО. Потом потрясение после впервые услышанной «Всю войну под завязку...». Новых песен обрушилось много — одна другой поразительней: «Недострелянный», «Я полмира почти через злые бои...», «В ресторане по стенкам висят тут и там...». Но та, первая «...жжет нас память и мучает совесть, у кого, у кого она есть...». Это потрясение незабываемое.

А его манера общаться залом — такого ни до ни после не было. Я это больше Для себя пишу, открытия тут ведь не сделаешь, но какая потрясающая простота общения с залом и абсолютно четкая дистанция. Как будто он, по лем и притягивал и сдерживал. Простота в нем была та, что «просто, как все гениальное», а не та, что «хуже воровства».

Потом мы с Лилей немного повыясняли. кто будет цветы дарить. — обе боялись. Досталось мне, а она до

сих пор простить себе не может, что отказалась. Жора фотографировал, захотел поближе подойти, и мы прошли в первый ряд: он с фотоаппаратом, я с цветами. В первом ряду человек подвинулся, чтобы мы сели. Оказалось, тогдашний директор филармонии Ещенко Василий Игнатьевич. После «Я не люблю...» пошла к сцене. Ног не было. Глаз, наверное, тоже, потому что лица Высоцкого, наклонившегося как близко, не видела. Только руку, коснувшуюся моей, запомнила. Неожиданно изящной, нежной и маленькой показалась она мне.

— Спасибо вам. Владимир Семенович, — прошептала я.

— Вам спасибо, девонька. Мне-то за что, я ведь еще ничего не сделал, — прозвучало в ответ.

Дальше помню рассказ о Париже и кусочек песни «Мы, Вань, нужны с тобой в Париже, как в нашей бане пассатижи». Так захотелось услышать ее всю! Помню зал, который перестал быть публикой, который дышал одним дыханием и вытянул вперед шеи в едином стремлении видеть и слышать...

Концерт закончился. Распогодилось, появилось заходящее уже солнце. Мы вышли счастливые и ошеломленные, не понимавшие еще, что это первый и последний его концерт для нас.

У меня впереди была поездка в Москву, радость попасть на Таганку, увидеть «10 дней, которые потрясли мир», а у Жоры...

Тогда еще никто не знал, что он создаст программу «Спасите наши души», станет Геворком. Далалояном и на тридцать лет (и, наверное, до конца) свяжет свою жизнь с Владимиром Высоцким. Свяжет так, как, пожалуй, никто. И верно сказал Б. Окуджава:

По воле судьбы или случая

Я тоже растаю во мгле.

Но эта надежда на лучшее

Пуск светит другим на земле...

Наталья ПАНИНА.